

*Альбина Юрьевна Мороз,
аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н. Г. Чернышевского
(Чита, Россия), e-mail: freealya@gmail.com*

Краткий очерк истории изучения остеологических материалов каменного века

В статье представлен краткий очерк истории изучения остеологических материалов каменного века в мире, России и Забайкалье. В связи с малой разработанностью вопроса и разрозненностью литературы по данной тематике в российской науке, автором была предпринята попытка обобщения. С опорой на публикации отечественных и зарубежных исследователей прослежена эволюция представлений об ископаемой фауне от примитивных трактовок, до её признания одним из важнейших источников информации о животном мире и его взаимодействии с человеческим обществом. В процессе характеристики современного состояния данной области изучения, в работе было подчёркнуто стремление исследователей извлечь из фаунистических остатков максимальное количество информации, что, по мнению автора, невозможно без междисциплинарных исследований.

Заключительная часть работы представляет собой обзор остеоархеологических изысканий в Забайкалье. Автором было предложено компенсировать плохую сохранность и немногочисленность остеологических материалов в регионе их тщательным изучением, применением современных методов исследования (таких, как биометрический, тафономический, палеонтологический, технологический, типологический, биогеографический, трасологический т. д.), а также систематизацией местонахождений плейстоценовой фауны. Данные решения могут способствовать обнаружению новых памятников с хорошей сохранностью и существенно дополнить данные о древнейшем прошлом обитателей Забайкалья.

Ключевые слова: остеологические материалы, фаунистические остатки, археофаунистические материалы, история археологии, археологический источник, археология каменного века Забайкалья.

*Albina Yurievna Moroz,
Postgraduate at Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky
(Chita, Russia), e-mail: freealya@gmail.com*

A Brief Historical Review of the Studies Devoted to the Stone Age Osteological Materials

This paper presents a brief historical review of studying the Stone Age osteological materials in the world, Russia and the Trans-Baikal region. Since the given issue has not been elaborated yet and there exists only fragmental literature on this subject in the Russian science, the author attempts to generalize the matter. Taking into account the Russian and foreign researchers' works the evolution of ideas about the fossil fauna has been traced from the primitive interpretations to its recognition as an important source of information about the animal world and its interaction with human society. While characterizing the present state of this field of study the author



emphasizes the researchers' desire to extract as much information as possible from faunal remains that is impossible without interdisciplinary research.

The final part of the work is a review of osteo-archeological researches in the Trans-Baikal region. The author offers to compensate for poor preservation and small number of osteological materials in the region by their careful study, the use of modern methods (such as biometric, taphonomical, palaeontological, technological, typological, bio-geographical, trace examination, etc.) as well as the systematization of the Pleistocene fauna sites. These solutions will help in finding new well-preserved sites and add considerably to the data about the ancient inhabitants of the Trans-Baikal region and their history.

Keywords: osteological materials, faunal remains, archeo-faunal materials, the history of archeology, the archeological source, the Stone Age Archeology of the Trans-Baikal region.

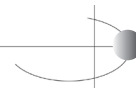
В процессе раскопок археологических памятников каменного века почти всегда обнаруживаются фаунистические остатки, связанные с жизнедеятельностью древнего человека. По степени информативности исследователи помещают данный археологический источник сразу после каменного инвентаря, но его существенным минусом является то, что он не всегда характеризуется хорошей сохранностью. Вместе с тем, в некоторых случаях объём остеологического материала значительно превышает коллекцию артефактов из камня, при этом его информативность может быть весьма высока, что позволяет получить такие данные, которые невозможно извлечь из других источников. Особенно важными такие исследования представляются при выявлении хронологической и культурной принадлежности памятников, в том числе для установления генетических связей между разновременными археологическими культурами [18, с. 6]. Так, например, преемственность между мадленом и азилом была установлена только благодаря костяным наконечникам типа орансан, представленным как в мадленских, так и азильских слоях стоянки Истюриц [18, с. 6]. Кроме того, в истории археологии присутствует достаточно примеров обнаружения известных стоянок каменного века, по выходам именно фаунистических материалов (Мальта, Костёнки, Танга и т. д.).

В современной науке существует ряд разнообразных методов и научных течений, направленных на максимальное извлечение информации как из археофаунистических, так и палеонтологических коллекций. Имеются специализации, связанные с кругом интересующих исследователя животных: крупные

позвоночные, мелкие позвоночные и грызуны, паразиты, насекомые, моллюски, рыбы и т. д. Широко применяются такие методы, как биометрический (или морфометрический), тафономический и палеонтологический, технологический, типологический, биогеографический, трасологический, метод DNA датировки. Суть данных методов состоит в создании как можно более полной картины взаимодействия между человеком и древними животными, а также получении информации об эволюции и условиях жизни данных объектов исследования.

Древним костям и окаменелостям человечество уделяло внимание задолго до появления палеонтологии и археологии. Люди находили останки животных с древнейших времен и интерпретировали в соответствии со своим мировоззрением (например, как останки мифических животных и существ, или же как естественные природные проявления и т. д.). Сведения о них были известны ещё античным натуралистам, таким как Ксенофан, Геродот, Аристотель. Изучением окаменелостей занимались в эпоху Возрождения исследователи, среди которых были Леонардо да Винчи, Джироламо Фракасторо, Бернар Палисси, Георгий Агрикола. Однако представление о том, что такого рода останки принадлежат вымершим организмам появилось позднее – одними из первых, вероятно, к таким наблюдениям пришли датский натуралист Нильс Стенсен и английский естествоиспытатель Роберт Гук.

Нильс Стенсен опубликовал в 1667 г. статью, в которой сравнил зубы найденной им окаменелой акулы и современной особи, предоставленной рыбаками. Он пришёл к



выводу, что окаменелая акула также когда-то была жива и не является загадочным камнем, «упавшим с неба или Луны» (так интерпретировал подобные образцы римский автор Плиний Старший в своём труде *Naturalis Historia*) или естественным выростом скал [28, с. 50].

Важным открытием Роберта Гука было признание того, что в действительности ископаемые окаменелости – не своеобразная игра природы, как утверждали многие естествоиспытатели, а остатки реально существовавших животных и растений, «по причине каких-то природных явлений (землетрясений, наводнений или иных), перенесенных на то место, где они впоследствии и были найдены» (его основной труд «Микрография», 1665 г.). К такому выводу он пришёл в результате микроскопического исследования этих тел [4, с. 107].

Основателем палеонтологии и сравнительной анатомии считается французский естествоиспытатель Жорж Кювье. Исследования ископаемых позвоночных, в которых он с большим успехом применял принципы сравнительной анатомии, были опубликованы им в 1812 г. в труде «*Recherches sur les ossements fossiles*». Он был противником эволюционистов, т. к. сам придерживался концепции постоянства вида. Одержав верх над оппонентами в публичном споре в академии, Кювье на долгое время закрепил в науке представление о неизменности вида. В учении о катастрофах «*Discours sur les revolutions de la surface du globe et sur les changements qu'elles ont produits dans le règne animal*» он изложил теорию, согласно которой каждый геологический период имел свою фауну и флору и заканчивался громадным переворотом, катастрофой, при которой гибло на земле всё живое, и новый органический мир возникал путём нового акта творения. К таким выводам его привели исследования ископаемых животных парижского бассейна. «Теория катастроф» долгое время была предметом дискуссий, пока официальная наука не отвергла её благодаря трудам Чарльза Лайэля.

Из изложенного становится понятно, что как таковое исследование остеологических материалов начиналось в рамках палеонтологии. Что же касается археологического изучения фаунистических остатков, то первые из них стоит отнести к началу XVIII в. Со-

общения об обнаружении остатков крупных, ранее неизвестных животных, залегающих совместно с древними орудиями, известны из разных стран [25, с. 1–16], но кости мамонтов или носорогов называли слонами римских императоров. Периодически обнаруживались также древние человеческие скелеты, но они истолковывались как давно умершие умственно отсталые отшельники или носители деформирующих кости болезней. До середины девятнадцатого века было распространено буквальное понимание библейского описания создания, согласно которому история Земли начиналась приблизительно 4000 лет назад, что препятствовало признанию гораздо большей древности фаунистических остатков.

Несмотря на влияние религиозного мировоззрения, всё больше находок подвергались тщательному изучению, что выходило за рамки, предопределённые церковью. Ко второй половине XIX в. благодаря учёным-естествоиспытателям, таким как Чарльз Лайэль, Лорд Кальвин, Томас Хаксли, Чарльз Дарвин и др. стало приниматься во внимание ранее непризнанное длительное прошлое планеты и предков человека. Кроме того, как в Европе, так и в России формировалась самостоятельная дисциплина – археология, объектом которой становились кости и другие органические материалы, связанные с деятельностью человека. В это время появились первые археологические периодизации (напр. Э. Лартэ, Г. де Мортилье), при создании которых исследователи учитывали остеологические остатки.

Во второй половине XIX в. продолжает развиваться идея о необходимости выявления критериев человеческого воздействия на кость в противовес другим возможным изменениям. В этот же период широкое распространение получили предположения о возможности использования первобытным человеком костяных орудий раньше, чем каменных (Габриэль де Мортилье и др.), а значит, и о видоизменении исходных костей по определенной схеме. В качестве орудий предлагалось использование не только костей скелета, но и клыков, и челюстей. За некоторыми каменными изделиями уже признавалась возможность применения в качестве инструментов костяной обработки. Таким образом,

«костяной» материал постепенно начинал соответствовать требованиям, предъявляемым к археологическим источникам.

Начало изучения остеологических древностей в России традиционно связывается с именем Петра I и изданными им указами 1718 и 1721 гг. Приглашенный им в 1718 г. талантливый немецкий исследователь, врач и ботаник Д. Г. Мессершмидт во время экспедиции в Сибирь, задачей которой были комплексные исследования данного региона, собирал «в Сибири старинных мамонтовых костей, всяких каменьев и протч.», старался договариваться с сибирскими властями, чтобы ему доставляли различные «к древности принадлежащие вещи, якобы языческие шейтаны (кумиры), великие мамонтовы кости, древние калмыцкие и татарские письма и их праотческие письма, также каменные и кружечные могильные образы» [16, с. 96]. В результате он подготовил 10-томную рукопись «Обозрение Сибири или Три таблицы простых царств природы», содержащую сведения по исторической этнографии, географии, экономике, флоре и фауне Сибири, включая и Забайкалье. Дневники, написанные Мессершмидтом в его путешествиях, хранились в Академии наук и ими пользовались все экспедиции в Сибирь, направленные туда в XVIII и XIX вв. Впоследствии некоторая часть его материалов была опубликована Георги и Палласом, однако заслуги первого учёного путешественника по России до сих пор недостаточно оценены.

Изучением древностей во время экспедиций также занимались Г. Ф. Миллер, С. П. Крашениников, А. П. Горланов. Последний по поручению Миллера вёл раскопки Городищенской слободы (ныне с. Казаново) в верховьях Шилки. В труде Г. Ф. Миллера «История Сибири» описан ряд раскопанных погребений. К сожалению, целенаправленного анализа остеологических остатков памятников каменного века в то время не проводилось. Однако в процессе тщательной фиксации, интерпретаций, сравнений учёными накапливалась бесценная фактологическая база.

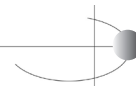
Первое описание такого известного представителя мамонтовой фауны как *Coelodonta antiquitatis Blumenbach (1799)* (Шерстистый носорог), связано с экспедициями россий-

ского академика П. С. Палласа. В 1768 г. он отправился в своё первое шестилетнее путешествие по различным провинциям России, в том числе и Сибири. В его экспедиционных отчётах приведены сведения о встреченных костях носорога. Указание местонахождений остатков носорога и описание его черепа и двух рогов в 1769 г. вошли в сочинения Императорской Академии наук [29, с. 436–477]. В своём труде «Путешествие по разным провинциям государства», в разделе «Путешествие по Сибири к востоку, лежащей даже и до самой Даурии, 1772 года» [30, с. 576–606] он привёл описание туши шерстистого носорога, привезённого в Иркутск из Якутска. Также он подробно описал другой череп и нижнюю челюсть носорога, найденные им на берегу р. Чикой.

В своих публикациях учёный отметил морфологическую особенность черепа шерстистого носорога – окостеневшая при жизни животного носовая перегородка, главное отличие от современных носорогов. Кроме того, Паллас впервые выполнил описание рогов рассматриваемого вида и ввёл термин «филамент» (нить, волокно, волосок) для обозначения структурной единицы, образующей рог [13, с. 333–342]. Указывая на многочисленность находок вымершего носорога в бассейне р. Лены, П. С. Паллас первым дал название этому виду *Rhinoceros lenensis*. Однако оно не стало общепризнанным. Это связано с тем, что работы Палласа, опубликованные в России, не были востребованы в Западной Европе, кроме того, в то время не было выработано строгих правил описания вида. Часто они описывались одновременно несколькими учёными, случалось, что по чужим рисункам. Название Блюменбаха *Rinoceros antiquitatis* оказалось более популярным. Дискуссия между палеонтологами относительно приоритетности названия, предложенного Палласом, ведётся до сих пор [8, с. 22–33].

Учитывая данные факты, можно заключить, что начало формирования археологии в России началось с сибирских академических экспедиций, во время которых уделялось немало внимания ископаемым фаунистическим остаткам.

Активная археологическая деятельность А. С. Уварова и его супруги П. С. Уваровой в XIX в., называемая в истории российской ар-



хеологии также «уваровским периодом», характеризуется огромной продуктивностью. Строительство Исторического музея в Москве, утверждение московского и петербургского археологического обществ, организация всероссийских археологических съездов и раскопки многочисленных памятников – далеко не полный перечень заслуг этих учёных. Свой основной труд «Археология Сибири. Каменный период» А. С. Уваров начал с археологии Сибири и упомянул в нём об исследованиях таких известных сибирских учёных, как И. С. Поляков, П. А. Кропоткин, И. Д. Черский. Последний в своих путешествиях также занимался составлением палеонтологического альбома, зарисовывая обнаруженные остатки древних животных.

Изучение шерстистого носорога было продолжено в 1840–1870-х гг. в. российским академиком Ф. Ф. Брандтом. Им были составлены более подробные описания находок Палласа, в том числе использовались и забайкальские материалы. Систематизируя разрозненные коллекции по различным вымершим животным, кости которых находили вместе с носорогом (мамонт, северный олень, лошадь, медведь, лев, гиена, волк и древний человек), он сделал вывод, что все они жили в одно время [8, с. 24].

Одни из первых сведений об обнаружении палеолитических местонахождений в Забайкалье вместе с фаунистическими остатками, связаны с именем А. П. Мостица. Учитель Усть-Кяхтинского начального училища, член Кяхтинского отделения Географического общества, он обнаружил «свидетельства палеолитических культур, в том числе и обожжённые кости животных в долине р. Сава (район Усть-Кяхты), по рекам Чикой и Селенга» [11, с. 15–22].

На данном этапе исследований в Забайкалье также были осуществлены сборы костей В. В. Птицыным по рекам Чикой, Киран, Кудара, Н. В. Кириловым и В. А. Обручевым на реках Хилок и Чикой, плейстоценовая фауна была обнаружена П. С. Михно, С. И. Руденко, А. К. Кузнецовым, Г. Ф. Дебецем. Об обнаружении мамонтовой фауны сообщила Павлова (1911). По её свидетельствам выделены местонахождения: Босинское (долина р. Джиды), Бичура, Верхняя Кудара, Жиндо (долина р. Чикоя), Дунгуй (Верхнеудинский

уезд), Ивашки (долина р. Селенги), Киреть, Коротково, Ланцево на р. Чикое, Николаевское (долина р. Джиды), Тамир, Торей (бассейн р. Джиды) – обнаружен бизон; Близ Троицкославска, Урлука; Цанган-Урсун (бассейн р. Джиды); Шадзыга (в долине р. Шадзыги). Зафиксированы кости шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis* Blum.), мамонта (*Mammuthus primigenius* Blum), остатки бизона (*Bison priscus* Boj.), архара (*Ovis ammon* L.), благородного оленя (*Cervus elapus*), *Cervus eurycros* Aldr., быка (*Bos primigenius*), гигантского оленя (*Megaloceros islandicus* Blain.), носорога Мерка (*Rhinoceros Merkii* Jag.), *Rhin. himitoecus* Falc., *Antilope* (*Gazella*) *aff. gutturosa* Palass [12, с. 11–36].

Таким образом, в XIX в. – нач. XX вв. сформировались предпосылки научного изучения ископаемой кости. Приоритет в этом принадлежал специалистам по изучению палеолита, ближе всех подошедшим к проблеме осознания древних предметов из кости и рога как археологических источников. В этот период произошло признание исследователями высокой степени совершенства обработки костяного материала палеолитическими мастерами.

В советской археологии раскрытие данной тематики относительно различных материалов имело далеко не равноценный характер. Археофауна с различными следами воздействия нередко относились к секции «пищевых остатков».

Мысли, высказанные Г. А. Бонч-Осмоловским (в начале 1930-х гг.), для советской археологической литературы были одними из первых прецедентов отношения к обработанным остеологическим остаткам как к информативному археологическому материалу. С 30-х гг. данные по древней обработке кости и использованию различных костяных предметов начинают включаться в обобщающие издания по первобытному обществу.

За рубежом на основе опыта, накопленного в начале XX в., продолжалось дальнейшее осмысление обработанных фаунистических материалов и уточнение их признаков. Предположение о более раннем использовании кости, чем камня, в качестве материала для орудий по-прежнему имело своих последователей. Главное внимание, как и прежде,

при определении костяных орудий уделялось их форме, которая обуславливалась использованием. По мнению некоторых авторов, именно с этим были связаны разнообразные видоизменения поверхности кости и её расщепление. Не упускались из виду и определённое сходство воздействий на ископаемую археологическую фауну древнего человека и животных. Так, Брейль, отмечая сходство раскалывания костей для добывания костного мозга между синантропом и гиеной, подчёркивал, что он, в отличие от животного, расщеплял их вдоль. Этот прием характеризовал костную индустрию, существующую параллельно с каменной. Кроме того, он отметил, что для обработки рогового сырья использовался термический способ: свежий рог нагревался в огне, чем облегчалось его переламывание.

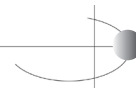
В 1940-е гг. советскими учёными приняты попытки раскрыть содержание понятия «технология расщепления кости». Большую роль в этом сыграла работа М. М. Герасимова, написанная с опорой на сибирский археологический материал [9, с. 24–35]. В его определении окончательно признавалось, что примитивная форма «костяной индустрии» возникла из пищевых потребностей. Тем самым была подчёркнута органическая причастность обработки фауны к общему процессу утилизации костного и рогового материала. Важность публикации М. М. Герасимова для археологии заключалась в том, что в ней закладывались основные принципы комплексного исследования обработки кости. Это касалось вопросов анализа следов пищевой утилизации костяного и рогового материалов, а также изучения последовательности нанесения на них орнамента. Более того, при исследовании особенностей членения различных видов косторезного сырья успешно применялся экспериментальный и этнографический опыт [5, с. 10].

В 1950-е гг. в изучении обработки кости и рога для отечественного палеолитоведения произошли качественные сдвиги, которые поставили эти разработки на самые передовые рубежи мировой науки. Начало было положено В. И. Цалкиным, доклад которого в 1955 г. в Институте Истории материальной культуры был посвящён остеoarхеологическим материалам [19, с. 5].

Чуть позже С. А. Семенов выдвинул тезис о том, что кости со следами человеческой деятельности являются полноправными археологическими источниками. Пристальное внимание к остеoarхеологическому материалу позволило С. А. Семенову разработать детальную схему его описания и применить к нему методы трасологии [17, с. 128–172]. Выделенная С. А. Семеновым система поверхностных изменений кости имела не только диагностическое значение. Она легла в основу функционального назначения костяных предметов.

Одновременно зарубежные исследователи продолжали искать критерии для определения следов человеческой деятельности на костяном материале. Р. Дарт, вслед за Брейлем, считал, что человеческое присутствие в доисторическом контексте характеризуется определённым типом скола на костях, использовал экспериментальное моделирование для изучения его черт. Но иногда при исследовании определённых повреждений костей, эти следы ошибочно считались признаками костяных орудий. Тем не менее, существенные результаты были достигнуты как в плане функционально–трасологических определений костяных орудий, так и в создании трасологических схем древнего косторезного производства при исследовании динамики его развития. В работе Конрнвэла подробным образом были описаны анатомические характеристики и следы воздействия на кость геологических и биологических факторов в рамках исследования, посвящённого разделению антропогенного и природного воздействия на остеологический материал [23].

Значительным преимуществом зарубежных исследователей–зооархеологов современности являются сложившиеся многочисленные научные школы, которые работают в данном направлении, а также уже утвердившаяся традиция междисциплинарных исследований. Ещё в 1970-е гг. число людей, изучающих археофаунистические остатки в Европе и Америке сильно увеличилось. В 1971 г. в Будапеште состоялась первая международная зооархеологическая конференция. Из неё развился Международный совет по Археозоологии (ICAZ) – он был основан в 1976 г. в Ницце. (Последняя конференция Археозоологического конгресса проводилась в 2009 г. в Барселоне).



Основной чертой и сильной стороной исследований этого периода являлись критическое отношение к накопленному материалу и существующим интерпретациям утилизации костного сырья. Ведущую роль в формировании этого отношения сыграла работа Л. Р. Бинфорда [22]. Кроме того, за рубежом был опубликован ряд обобщающих работ: С. Дэвис [17], Р. Чаплин [24] и др.

В России же публикации, ориентированные на сугубо зооархеологическую тематику, стали появляться сравнительно недавно. Практически одновременно к ней обратились палеонтологи, которые традиционно привлекались археологами для определения видового состава памятников [27, с. 595–607; 21, с. 1–16] и археологи [5; 10; 2, с. 103–116].

Несмотря на то что, работы А. П. Бородавского [5; 6] посвящены изучению позднего периода, они представляет большую ценность и для исследователей каменного века. Представленные в монографии «Древнее косторезное дело юга Западной Сибири» реконструкции древнейших производств, с технологической точки зрения очень значимы для современных археологических исследований и формируют представление о способах обработки, о физических и технологических свойствах, о разных типах органических материалов. Учебное пособие, опубликованное этим автором, – «Методика исследования древнего косторезного производства» систематизировало широкий круг вопросов изучения косторезного дела, таких как: методика изучения косторезного дела, классификация «костяных» предметов, заготовок и отходов косторезного производства в контексте определённых археологических комплексов.

Анализ бивневых индустрий сделан в работе Г. А. Хлопачева «Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы» [18]. Также зооархеологической тематике посвящены, основанные на материалах эпохи бронзы, статьи Е. Е. Антипиной. Подробно описаны методы поиска и сбора палеонтологических объектов для целей реконструкции условий обитания древнего человека, палеогеографии и стратиграфии в работах А. К. Агаджаняна [1]. Общая реконструкция промысловой деятельности средневекового населения Западной Сибири приведена в монографии П. А. Косинцева [14].

В целом, количество публикаций с зооархеологической тематикой в России в последние годы возрастает. Гораздо активнее археологи стали сотрудничать с палеонтологами для построения более полной картины жизни людей в древности и их взаимодействия с животным миром. Однако ещё широко распространено отношение к данным материалам, как к «кухонным отходам», не заслуживающим звания археологического источника. Очень мало исследователей занимается технологией расщепления и трасологией археофаунистических остатков.

Изучением археологических древностей в Забайкалье на разных этапах развития научной деятельности занимались как археологи, так и палеонтологи.

В период 1928–1929 гг. до конца 1950-х гг. научные изыскания в Забайкалье проводились рядом академических экспедиций. В 1928–1929 гг. – здесь работала Бурят-Монгольская археологическая экспедиция под руководством Г. П. Сосновского в 1947–1951 – экспедиция ИИМК АН СССР под руководством А. П. Окладникова. Базу источников составили 40 местонахождений. Кроме того, исследования проводил Н. П. Михно, который в 1959 г. нашел зубы примитивной лошади и обнаружил, определённый впоследствии опорным, Итанцинский разрез не далеко от с. Ключево.

Период 1960–70-е гг. характеризуется проведением стационарных раскопок многослойных поселений, открытием и изучением начальной поры верхнего палеолита, постановкой проблем происхождения и генезиса забайкальского палеолита. Раскопки проводили А. П. Окладников и И. И. Кириллов на поселениях Санный мыс, Титовская сопка, Варварина гора, в дальнейшем М. В. Константинов исследовал палеолитические памятники Селенгинского бассейна.

Палеонтологические изыскания также в этот период обширны. С 1962–1966 гг. проведены исследования по изучению мелких млекопитающих М. А. Ербаевой [3, с. 148], генезисом опорных разрезов антропогена Западного Забайкалья и изучением фауны занимались Н. А. Флоренсов, Э. А. Вангенгейм. Д. Б. Базаров. Л. Н. Иваньев и др.

Вторая половина 1970 по 1990-е гг. характеризуется проведением комплексных тематических исследований экспедициями за-

байкальских археологических школ (ЧГПИ, БГИ, БИОН). Активная работа нового поколения читинских и бурятских археологов способствовала вводу в научный оборот материалов новых комплексов, а привлечение специалистов в области естественных наук – М. И. Дергачевой, И. Н. Резановой, Н. П. Калмыкова, Н. Д. Оводова [15, с. 122–140] и др. позволило внести коррективы в природно-историческую схему. В работах Н. К. Верещагина, Г. Ф. Барышникова, Ф. И. Кензыкхенова, А. К. Каспарова по тематике региона опубликован палеонтологический анализ мегафаунистических комплексов.

Сегодня исследования плейстоценовой фауны в контексте археологических памятников Забайкалья немногочисленны. Интерес проявляют иностранные палеонтологи. Ряд статей по происхождению носорога опубликован Т. Дэнгом [26, с. 196–207]. Изучению фаунистических остатков мегафауны Забайкалья посвящены статьи иркутского палеонтолога А. М. Клементьева.

Диссертационное исследование С. Г. Васильева, по нашему мнению, больше всего приблизилось к западному образцу в отношении анализа археофаунистических материалов [7]. Метод комплексного анализа остеологического материала, разработанный автором на примере палеолитического поселения Толбага (Западное Забайкалье), имеет важную практическую значимость. Он позволяет обнаружить следы процессов, влияющие на изменение костей найденных на поселении, и установить отличия костей, видоизменённых человеком, от костей, преобразованных геологическими и биологическими факторами. Фактически данный труд пока является единственной зооархеологической работой в регионе.

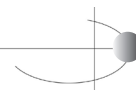
Спроецировав методику, предложенную С. Г. Васильевым, автор статьи проанализировала материалы таких палеолитических памятников, как Студеное 1, Студеное 2, Усть-Менза 1, Усть-Менза 2. По результатам исследования удалось расширить круг характеристик остеологических коллекций. Так, было обнаружено большее количество экземпляров со следами разделки туш животных, расщепления, вторичной обработкой, выявлено 2 фрагмента рога благородного

оленья с насечками. Планируется продолжение работы по данной тематике путём охвата большего количества местонахождений, анализа случайных обнаружений, привлечения палеонтологического материала, применения большего количества методов.

Подводя итог, следует отметить: несмотря на то, что интерес к ископаемой фауне возник давно, настоящее признание в археологической науке данного источника произошло всего лишь несколько десятилетий назад. В данный момент количество исследований по археозоологической и зооархеологической тематике возрастает как в мире, так и в России. Усилия научных деятелей направлены на то, чтобы, преодолевая недостатки данного археологического источника, извлечь из него максимальное количество информации. Становится очевидно, что это невозможно без междисциплинарных исследований.

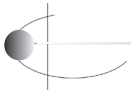
С учётом плохой сохранности остеологических материалов из аллювиальных памятников, которым в данный момент в Забайкалье уделяется наибольшее внимание (в рамках исследований, связанных с каменным веком), зооархеологические изыскания здесь могут показаться бесперспективными. Однако, по мнению автора, подробное изучение местонахождений плейстоценовой фауны в регионе может позволить обнаружить новые памятники с хорошей сохранностью, такие как Толбага, существенно дополнить данные о древнейшем прошлом обитателей Забайкалья. Кроме того, применение широкого спектра современных методов, о которых было сказано в начале статьи, вполне позволяет получать большее количество информации и из уже имеющихся материалов.

Практически не разработанной в Забайкалье также является зооархеологическая тематика более поздних периодов, которая, занимаясь вопросами доместикиции, эволюции домашних животных, косторезным производством и многими другими вопросами, могла бы также помочь создать более полную картину прошлого Забайкальского края. Сравнение же разновременных культур региона по остеологическим коллекциям, вероятно, позволило бы выявить этапы эволюции или элементы преемственности в обработке фаунистических материалов.



Список литературы

1. Агаджанян А. К. Комплексные биостратиграфические исследования новейших отложений: учебно-метод. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, Ин-т археологии и этнографии. СО РАН, 2008. 62 с.
2. Антипина Е. Е. Костные остатки животных с поселения Горный (биологические и археологические аспекты исследования) // Российская Археология. 1999. № 1. С. 103–116.
3. Базаров Д. Б., Ербаева М. А. и Резанов И. Н. Геология и фауна опорных разрезов антропогена Западного Забайкалья. М.: Наука, 1976. 148 с.
4. Боголюбов А. Н. Роберт Гук (1635–1703). М.: Наука, 1984. 240 с.
5. Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.
6. Бородовский А. П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палео-металла). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. 176 с.
7. Васильев Сергей Георгиевич. Археологическое изучение остеологических материалов на примере палеолитического поселения Толбага: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2004. 28 с.
8. Гарутт Н. В. К истории изучения *Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach, 1799) // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. М.: ГЕОС, 2001. С. 22–33.
9. Герасимов М. М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // МИА. 1941. № 2. С. 24–35.
10. Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
11. Иванъев Л. Н. Новые палеолитические стоянки на р. Чикое и их стратиграфическое значение // Сибирский археологический сборник (отдельный оттиск). 1966. С. 15–22.
12. Иметхенов А. Б., Калмыков Н. П. Фауна и флора кайнозоя Бурятии (каталог). Улан-Удэ: БФ СО РАН СССР, 1988. 181 с.
13. Каландадзе Н. Н., Шаповалов А. В., Тесакова Е. М. К вопросам номенклатуры шерстистого носорога *Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach, 1799) // Исследования по палеонтологии и биостратиграфии древних континентальных отложений (памяти профессора В. Г. Очева): сб. науч. ст. Саратов: Научная книга, 2009. С. 98–111.
14. Косинцев П. А. Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург; Салехард: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 272 с.
15. Оводов В. Д. Фауна палеолитических поселений Толбага и Варварина гора в Западном Забайкалье // Природная среда и человек в позднем антропогене: сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. С. 122–140.
16. Рихтер В. М. История медицины в России. *Geschichte der Medizin in Russland* (рус. пер. Бекетова) // Собр. соч.: в 3 т. М.: Универ. тип., 1820. Ч. 3. 544 с.
17. Семенов С. А. Развитие технологии в каменном веке. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1968. 356 с.
18. Хлопачев Г. А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: Наука, 2006. 262 с.
19. Цалкин В. И. Основные задачи изучения костей животных из раскопок памятников материальной культуры // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института исследований материальной культуры. СПб.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Вып. 58. С. 3–156.



20. Чернова О. Ф., Кириллова И. В. Новые данные о морфологии рога шерстистого носорога *Coelodonta antiquitatis* Blumenbach (1799) // Труды Зоологического института РАН. СПб.: Зоол. ин-т РАН, 2010. Т. 314. № 3. С. 333–342.
21. Baryshnikov Gennady .The role of early humans in the accumulation of european lower and middle palaeolithic bone assemblages// RÖMISCH-GERMANISCHES ZENTRALMUSEUM, FORCHUNGSINSTITUT FÜR VORFRÜHFESCHICHTE, in verbinding mit der European schince foundation. 1999. 42. P. 1–16.
22. Binford L. R. Bones: Ancient men and modern myths . London : Academoc press Inc, 1981. 297 p.
23. Cornwall I. W. Bones for the archaeologist . London : Rhoenix house LTD, 1956. Т. 1–3.
24. Chaplin Raymond E. The study of animal bones from archaeological sites. London and New York : Seminar press, 1971. 170 p.
25. Davis Simon J. M. The Archaeology of Animals . Haven and London: Yale University Press, 1987. 225 p.
26. Deng, Tao. Comparison between wooly rhino forelimbs Longdan Nothen-western Chana and Tologoi, Transbaikalian region // Quaternaly internationa. 2008. Scince Direct 179 (52). P. 196–207.
27. Hoffecker John F., Baryshnikov G. F. и Doronichev D. V. Large mammal taphonomy of the Middle Pleistocene hominid occupation at Treugol'naya Cave (Northern Caucasus) // Quatemaly Science. 2003. 22. P. 595–607.
28. Kermit Hans . Niels Stensen, 1638–1686: the scientist who was beatified. Eastbourne: Antony Rowe Ltd, 2003. 181 p.
29. Pallas P. S. De reliquiis animalium exoticorum per asiam borealem repertis complementum // *Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. 1769. 13. P. 436–477.
30. Pallas P. S. De Reliquiis animalium exoticorum per Asian borealem repertis complementum. // *Novi commentarii Academiae Scientiarum imperialis Petropolitanae*. 1772. 18. P. 576–606.

Статья поступила в редакцию 15.12.2011 г.